

Геннадий Аляев

ДВОЙСТВЕННОСТЬ НАЦИОНАЛЬНОГО СОЗНАНИЯ КАК ЭКЗИСТЕНЦИАЛ И ПРЕДМЕТ АНАЛИЗА (ОПЫТ ВАСИЛИЯ ЗЕНЬКОВСКОГО)

В этом исследовании я исхожу из нескольких презумпций, заданных постановкой проблемного вопроса.

Первое: вопрос о национальной атрибуции философии может быть поставлен, по крайней мере, как проблема, хотя вполне допустимы (и существуют) позиции, исходящие из утверждения универсальности философского знания, для которых этот вопрос будет бессмысленным. Впрочем, вполне можно синтезировать крайние точки зрения относительно универсальности или национальности (а ещё и – персональности!) философии через диалектические категории общего, особенного и единичного.

Второе: вопрос о национальной – в данном случае *отечественной* – философии в Украине имеет дополнительный специфический контекст, связанный со сложными перипетиями украинской национально-государственной истории. Вычленение в качестве самостоятельного феномена и, соответственно, объекта исследования национальной *украинской* философии неизбежно – в силу чисто исторических причин – наталкивается на вопрос о её размежевании с философией *русской*¹. Этот вопрос решается по-разному, и в некоторых способах его решения можно усмотреть доминирование не историко-философских (т. е. научных), а политических аргументов.

И третье: исследование проблемы национальной философии предполагает, конечно же, учёт национальности конкретного философа, однако далеко не исчерпывается этой посылкой; тем более, что национальная принадлежность – это вовсе не вопрос формальной записи в анкете, и даже не столько вопрос *рода*, сколько вопрос *сознания*. Иными словами – при решении вопроса о национальной атрибуции

© Г. Аляев, 2014

¹ Впрочем, почему только с русской? Несколько лет назад, на одной из конференций в Крыму, при обсуждении вопроса о критериях определения отечественной философии известный днепропетровский философ Владимир Пронякин полушутя-полусерьёзно заметил: а почему мы говорим в этом контексте только о философии украинской или русской? В Крыму надо говорить о крымско-татарской... Нельзя, однако, не заметить, что этот контекст «двойственности» отечественной философии не является специфически украинским – о нём можно говорить, например, применительно к соотношению английской и шотландской философий, или – испанской и каталонской, и т. п.

философии необходимо учитывать самосознание философа, его собственную рефлексию – если она, конечно, имеет место, – по поводу данной проблемы.

Исходя из этих априорных теоретических замечаний, обратимся к одному конкретному примеру, который, как мне представляется, небезынтересен в контексте предложенного проблемного вопроса. Нужно сразу оговориться – предметом данной статьи является не весь «опыт» (т. е. здесь – жизнь и творчество) Василия Васильевича Зеньковского (хотя «целое» его жизненного опыта выступает, конечно же, неизбежным фоном нашего анализа), а конкретный источник – его мемуары «Пять месяцев у власти» [Зеньковский, 2011]². Этот текст, очевидно, пока недостаточно осмыслен как историками, так и – тем более – историками философии. «Тем более» – поскольку содержание этих мемуаров (как на то указывает и название), прежде всего, собственно историческое, а не философское. Однако авторство известного философа не может не привлекать к его очерку интереса со стороны историков философии, хотя бы в плане биографической реконструкции.

Но нас в данном случае интересуют не столько внешние факты биографии известной в истории философии персоналии, сколько рефлексия и саморефлексия мыслителя по поводу одной крайне важной проблемы – проблемы русско-украинских отношений³. Нельзя не признать, что интерес к этому сюжету подогрет текущей политической ситуацией в этих отношениях, но эта сиюминутность, безусловно, имеет глубинные корни, и будет иметь долговременные последствия и отголоски, а потому требует не только поверхностного репортажа, но и философского препарирования.

Поможет ли в этом деле Зеньковский? Априори можно предположить, что его анализ и позиция в этом вопросе может подвергаться критике, или даже отрицанию, особенно в политическом контексте. Но в центре нашего внимания не политика, а философия – философия истории и история философии. Мы имеем дело с философом, который объективно принадлежит двум историко-философским традициям – украинской и русской. Как этот факт осмыслялся самим философом? Какое выражение этот факт находил в его экзистенциальном бытии и как отражался в попытках теоретических обобщений? Ответы на эти вопросы, связанные с общим вопросом о понимании *отечественности* философии в Украине, попытаемся найти в выбранном тексте.

Следует, прежде всего, отметить, что объективная принадлежность Василия Зеньковского двум историко-философским традициям – украинской и русской – трактуется и оценивается в литературе по-разному. В современной российской истории философии он однозначно зачисляется в категорию *русских* философов и историков философии; соответственно, в украинской историко-философской науке доминирует стремление отнести его к *украинской* философской традиции. Очевидно, такое разночтение (касающееся далеко не одного Зеньковского) должно быть каким-то образом разъяснено.

Когда в 2005 г. в словаре «Історія філософії» статья о Зеньковском была отнесена нами к разделу «Русская философия» [Історія філософії, 2005: с. 1020–1021], это сразу вызвало вполне определённую реакцию. В газете «Зеркало недели» Алла

---

² Далее по тексту в ссылках на этот источник будут указываться только номера страниц.

³ Зеньковскому принадлежат и другие автобиографические очерки – «Моё участие в РСХД», «Из моей жизни», – но данная проблема в них уже прямо не затрагивается.

Бойко недоумевала: «И почему Василий Зеньковский, родившийся в Хмельницком, окончивший Киевский университет, а потом работавший там на должности профессора, возглавлявший Киевское религиозно-философское общество, бывший министром вероисповеданий правительства Скоропадского, а с 1920 г. находившийся в эмиграции в Белграде, Праге и Париже, причислен к русским философам?» [Бойко, 2005].

Нет ничего легче, конечно, как определить национальную принадлежность мыслителя и его философии по месту его рождения, жизни или работы, однако содержательность такого *географического* подхода крайне ограничена. В лучшем случае, с опорой на эту методологию можно говорить о принадлежности философа к развитию философского процесса в данной стране (в приведённой цитате, очевидно, – к «философии в Украине», хотя контекст, скорее, отрицающий – *непринадлежность* к «философии в России»), но ещё ничего нельзя сказать о национально-ментальном характере его философии (здесь о том, что Зеньковский – «украинский философ»). По этому поводу можно отметить характерный момент, подчёркивающий противоречивость такой методологии: принадлежность многих философов (Зеньковского, Челпанова, Бердяева и других) к украинской философии часто обосновывается, среди прочего, фактом их учёбы или работы в Киевском университете; одновременно, однако, существует распространённое и вполне исторически обоснованное мнение о *русификаторской* роли этого учебного заведения, приданной ему с самого момента его основания⁴. Добавим также, что при означенном подходе осуществляется весьма сомнительная операция ретроспективной исторической экстраполяции современных политических границ, что может приводить к искусственному навязыванию иной исторической эпохе и её представителям вовсе не свойственных им, но актуальных сегодня идей и ментальных характеристик.

Напомним несколько фактов биографии философа. Зеньковский родился в 1881 г. в Проскурове (ныне – Хмельницкий) в семье школьного учителя математики (который одновременно был церковным старостой). Дед его был священником (сначала, впрочем, – кавалерийским офицером), по поводу чего философ вспоминал: «Мне тогда казалось священство чем-то недостижимо высоким, чего удостаиваются немногие избранники» [цит. по: Шленов, 2007]. Возможно, эти детские ощущения способствовали тому, что сам Зеньковский пришёл к священству уже в пожилом возрасте.

Детская непосредственная религиозность была усилена с началом обучения в Киевской гимназии, где Зеньковский был певчим в гимназической церкви, а также под влиянием уроков Закона Божия. Однако в 16 лет наступил религиозный кризис, виной чему стало чтение Д. Писарева. В результате из гимназии Зеньковский выходит атеистом, с народническими идеями и со страстным влечением к науке, которое привело его в 1900 г. на естественное отделение физико-математического факультета Киевского университета Святого Владимира. Однако уже здесь, параллельно изучению физиологии растений, проявился интерес к философии и психологии (особенное впечатление на него произвёл «Очерк опытной психологии»

⁴ В выбранном нами тексте находим такое свидетельство Зеньковского, относящееся к 1918 г.: «Среди пылких украинских деятелей циркулировала мысль о закрытии Университета св. Владимира как “крупнейшего проводника руссификаторской политики”. Это мнение могло бы и восторжествовать, если бы крайние группы имели достаточно времени для осуществления всех своих замыслов» [с. 232].

Г. Гефдингга; в то же время, позднее он признавал, что в ранние годы находился под большим влиянием Вл. Соловьёва и Л. Лопатина [см.: Зеньковский, 1991b: с. 251]). А в 1902 г., в связи с 50-летием со дня смерти Н. В. Гоголя, Зеньковский впервые обращается к исследованию его творчества. Приобщившись через письма великого писателя к «миру русских религиозных исканий», и углубившись вскоре в чтение курса по апологетике профессора богословия, протоиерея П. Я. Светлова, Зеньковский был внутренне подготовлен к возвращению в Церковь, что и произошло на Пасху 1903 года после беседы с ранее незнакомым ему человеком, точнее – после настоящей трёхчасовой проповеди этого человека, совершенно неожиданно обращённой к нему одному.

В 1904 г. Зеньковский перешёл на историко-филологический факультет и под руководством Г. Челпанова стал заниматься психологией. По окончании курса, как сам вспоминает, «безо всяких шагов с моей стороны», был оставлен А. Н. Гиляровым для подготовки к профессорскому званию. В 1915 г. Зеньковский защитил свою диссертацию «Проблема психической причинности» в Московском Психологическом институте им. Л. С. Щукиной, созданном его учителем Г. Челпановым, после чего был избран профессором Киевского университета.

В начале 1908 г., ещё студентом, Зеньковский избирается секретарём только что созданного Киевского религиозно-философского общества, в деятельности которого принимает в дальнейшем самое активное участие (с 1910 г. – товарищ председателя, в 1917–1919 гг. – председатель [см.: Филиппенко, 2009]). Надо заметить, что КРФО занималось не чисто научными дискуссиями, а обсуждением вполне практических вопросов религиозного возрождения и развития России, и деятельность в нём способствовала тому, что в 1917–1918 гг. Зеньковский сначала принимает участие в ряде гражданских инициатив, направленных на реформу Православной Церкви, а потом становится министром исповеданий в правительстве гетмана П. Скоропадского.

В 1917 г. Зеньковский поддержал идею ряда украинских деятелей открыть Украинский народный университет – исходя, по его словам, из «общих симпатий к украинскому движению (в пределах русской культуры!)» [с. 78], – и согласился читать там лекции по философии *на русском языке*. В воспоминаниях он так описывает этот эпизод: «Приглашение читать лекции по философии в Украинском Народном Университете меня удивило, но, зная, что по моей специальности у украинцев не было никого из “своих” деятелей, я не хотел им отказывать. Было одно серьёзное затруднение – то, что я не говорил по-украински, но лица (не помню кто), пригласившие меня в Укр<аинский> Унив<ерситет>, любезно и либерально ответили, что они не шовинисты и русскую речь в Укр<аинском> Унив<ерситете> признают» [с. 78].

В марте 1918 г. кандидатура мирянина Зеньковского предлагалась для избрания Киевским митрополитом, на что он отреагировал улыбкой – «в такой степени странно и “неудачно” было всё это предложение» [с. 92]. Это «странное» предложение, исходившее также от «украинских кругов», было связано с активной ролью Зеньковского в общественно-церковной жизни, что и привело его уже буквально через два месяца на должность министра исповеданий.

Вхождение Зеньковского в украинское правительство в 1918 году часто служит аргументом, подтверждающим, якобы, его приверженность независимости Украины и, соответственно, ментально-украинский характер его философии. Между тем, как

он сам свидетельствует в книге «Пять месяцев у власти», он был открытым противником как государственного сепаратизма, так и церковной автокефалии. Согласно статье министром было обосновано исключительно чувством долга – «послужить устройению Украины в интересах России, борясь против сепаратизма и руссофобства» [с. 102]. «Принадлежа по своему происхождению на 7/8 к украинцам, – пишет Зеньковский, – я по воспитанию и чувствам всецело и абсолютно принадлежал России, – и это создавало лично для меня постоянные трудности на обе стороны. Те русские люди, которые узнавали о моём участии в украинском правительстве, нередко начинали относиться с недоверием ко мне, как русскому человеку. А украинцы, хорошо зная о том, что я не только не разделяю политических идей сепаратизма, но и по своим убеждениям и чувствам являюсь русским человеком, относились и относятся ко мне с чрезвычайным недоверием, нередко награждая меня званием “зрадника” (изменника)»⁵ [с. 53–54]. Но совесть его остаётся спокойной: «Не случайно и не безответственно послужил я делу Украины, оставаясь в то же время верным и сознательным сыном России» [с. 54].

В январе 1920 г. Зеньковский эмигрировал, сначала в Белград, где работал профессором богословского и философского факультетов университета (1920–1923). В 1923–1926 гг. он жил и работал в Праге, где возглавлял кафедру экспериментальной и детской психологии Российского педагогического института, а с 1926 г. – во Франции, где работал профессором (с 1944 г. – деканом) Православного Свято-Сергиевского Богословского Института. Делом его жизни стала организация Русского Студенческого Христианского Движения, бессменным председателем которого он был с 1923 г. В 1939 г., за день до объявления войны, Зеньковский был арестован французскими властями и больше года пребывал в лагере для интернированных. Находясь в заключении, он взял на себя обет – если освободят, принять священство. В 1942 г. он рукополагается в сан священника (протоиерея) митрополитом Евлогием (Георгиевским). Умер философ в 1962 г. в Париже и похоронен на кладбище Сен-Женевьев-де-Буа.

Теперь возвратимся к выбранному нами тексту. Воспоминания «Пять месяцев у власти (15 мая – 19 октября 1918 г.)» были записаны примерно в 1931 г., но автор не довёл текст до полной готовности к печати. Рукопись была найдена в собрании Государственного Архива Российской Федерации⁶, отредактирована и впервые опубликована Модестом Колеровым в 1995 г. (2-е изд. – 2011 г.). Конкретный повод побудивший пятидесятилетнего философа писать воспоминания об одном отрезке

⁵ Это «недоверие» как с одной, так и с другой стороны проявляется и сегодня – например, в комментариях И. Сапожниковой ко второму изданию мемуаров философа можно не раз заметить нотки сожаления по поводу тех или иных *проукраинских* действий или позиций Зеньковского, объясняемых ею «истинным провинциальным масштабом киевского деятеля» [Сапожникова, 2011: с. 23].

⁶ По свидетельству автора, очерк находился в Праге в Русском Архиве, откуда «в 1947 г. был передан в Публичную Библиотеку в Петрограде» [Зеньковский, 2002: с. 305]. Последний факт, – о котором Зеньковский, конечно, мог знать только понаслышке, – требует уточнения. Русский зарубежный исторический архив был передан новым чехословацким правительством в «дар Академии наук СССР в честь её 220-летия», а фактически конфискован Советским Союзом, и под контролем НКВД 13 декабря 1945 года 650 ящиков с архивными материалами в девяти вагонах специального состава отправились в Москву, где, после соответствующей чекистской обработки, были определены в спецхран Центрального государственного архива Октябрьской революции [см.: Бобровская, 2003.].

своей жизни, не известен, однако о *мотиве* сам философ говорит вполне определённо: «Я претендую на то, что то понимание русско-украинских отношений, которое сложилось у меня, одно лишь даёт надёжный выход из тупика, в котором пока пребывают эти отношения. Именно это убеждение, сознание действительной и серьёзной политической и культурной проблемы об отношении России и Украины, сознание, что от решения этой проблемы будет зависеть очень многое в судьбах России побуждает меня записать свои воспоминания о пребывании своём в течение 5 месяцев в составе украинского правительства» [с. 54]. Оставим пока в стороне самооценку, но обратим внимание на констатацию «действительной и серьёзной политической и культурной проблемы». В своих воспоминаниях Зеньковский обращается к трём измерениям этой проблемы – политическому, культурному и религиозному, оставляя в стороне аспект экономический как такой, от которого он сам слишком далёк, чтобы высказывать свои суждения. В чём же состоит предлагаемое Зеньковским решение проблемы, и каким образом его можно проинтерпретировать в контексте проблемы национального характера философии?

Коротко говоря, ключевые понятия предлагаемого Зеньковским решения – «двойственность национального сознания» [см.: с. 315, 319, 322] и «культурный параллелизм» [см.: с. 227–239, 334], или «культурный дуализм» [см.: с. 310]. Двойственность национального сознания (говоря современным языком – двойственная *идентичность*, но последнего термина Зеньковский ещё не знает) – это осознание своей принадлежности одновременно двум культурам – российской и украинской, осознание неразрывной связи и невозможности противопоставления этих двух точек отсчёта. Культурный параллелизм – это утверждение необходимости параллельного развития двух культур – российской и украинской, – без какого-либо ущемления одной со стороны другой, без того, чтобы развитие одной происходило в ущерб другой.

Впрочем, сам философ ясно осознаёт, что эти понятия могут означать вовсе не решение проблемы, а лишь её наименование, лишь постановку вопроса: «<...> Возможно ли, при созревшем национальном сознании, вольно и глубоко сознавать себя принадлежащим и к другому целому (более широкому), – да не только сознавать, но и дорожить этим? Говоря иначе – разрешима ли поставленная проблема так, чтобы при зрелом и углублённом украинском сознании было в то же время и сознание себя русским?» [с. 314].

Предложенные философом ответы определяются как экзистенциальным ощущением («кому же и браться за решение этого вопроса, – замечает он, имея в виду, прежде всего, себя, – кому и нести на себе бремя его, как не тем, кто, будучи украинцем по рождению, духовно живёт Россией, кто таким образом носит в себе оба начала?» [с. 280]), так и соответствующим анализом «русско-украинской проблемы». По мнению Зеньковского, «русско-украинский спор» в современной ему форме (а в основных чертах, как представляется, эта форма сохраняется и сегодня) возникает в XIX веке [с. 309], и связан, конечно же, с ростом украинского национального сознания. Оригинальность его подхода, однако, состоит в том, что этот рост он не противопоставляет росту российского сознания, а наоборот, связывает с ним. «Рост украинского сознания» (который, как утверждает философ, оппонируя господствующим в тогдашней России «малороссийским» теориям, вовсе не есть «выдумка» австрийцев, а «совершенно органический процесс» [с. 314]) происходил «не за счёт вовсе России, а именно в связи с её ростом» [с. 310]. Речь идёт о том, что, с одной

стороны, «Украина отдавала своих лучших сынов России, тем создавала Россию», но, с другой стороны, – XIX век, «положивший начало самостоятельной и оригинальной русской культуры, не только не поглотил украинской культуры <...>, а наоборот, как-то глубоко оплодотворил украинский гений» [с. 309]. Россия XVIII и XIX веков, утверждает философ, есть совместное создание Великороссии и Украины: «Россия создавалась дружной работой двух братских гениев, и это привело к очень глубокому, интимному процессу срастания Украины и Великороссии в широких путях России», причём в основе этого процесса – «то, что отделяло Украину от Турции и Польши, но «именно изнутри сближало её с Московией: вера и Церковь»⁷ [с. 71]. Исходя из этих позиций, и опираясь на Вячеслава Липинского (исторические и историософские взгляды которого оцениваются Зеньковским достаточно высоко [см. с. 291–294]), философ утверждает, что «не должно отрекаться украинцам своих прав на Россию, которая создана не одними великороссами, но и украинцами», – тем более что, «отдавая свои лучшие силы России, Украина не умирала, а, наоборот, расцветала в своём своеобразии» [с. 310]. «Украинский гений» (это понятие – или символ – активно используется В. Зеньковским) «явил себя в XVIII и XIX веке в творении великой России»; более того, этот факт приводит философа к заключению, что «украинский гений обретает свои крылья, обретает свою творческую силу, лишь когда перед ним открывается простор великой России. Не просто в “союзе” с Россией, но в слиянии с Россией <...> обретает и Украина свой путь, оставаясь в своей особенности, не теряя своего своеобразия, но входя в орбиту движения всей России» [с. 294].

Лучшим – хотя далеко не единственным – примером этого двуединого процесса для Зеньковского выступает Николай Васильевич Гоголь. Здесь сказываются, конечно, и личные предпочтения – как уже было отмечено, творчество Гоголя заинтересовало Зеньковского как исследователя ещё в студенческую пору, и этот интерес остался с ним на всю жизнь, воплотившись в ряд серьёзных работ, в том числе в одну из завершающих в творчестве философа – монографию «Н. В. Гоголь» (1961)⁸. Но это был не только исторический интерес: можно утверждать, что христианская метафизика самого Зеньковского имеет в своей основе многолетнее изучение и восприятие религиозных исканий Гоголя [см.: Аляев, 2010]. Собственно, роль и значение Гоголя «в развитии русской философской мысли» и «в диалектике духов-

⁷ Подтверждение своей позиции Зеньковский находит, в частности, в «исследовании Харламповича» – имеется в виду, очевидно, исследование русско-украинского историка церкви, академика Российской и Украинской академий наук, впоследствии репрессированного Константина Васильевича Харламповича «Малороссийское влияние на великорусскую церковную жизнь» (том I, Казань, 1914).

⁸ В воспоминаниях «Из моей жизни» Зеньковский утверждает, что написал «целую книгу о Гоголе (около 18 печ. листов)», будучи ещё студентом естественного факультета (т. е., до 1904 г.), но напечатать её не удалось. Потом, около 1908 г., по предложению С. Булгакова была подготовлена «духовная биография» Гоголя для издательства «Путь», однако публикация снова не состоялась. Лишь примерно треть этого текста – около 10–11 печатных листов – была напечатана в журнале «Христианская мысль» в 1916 г. под названием «Н. В. Гоголь в его религиозных исканиях». «То, что не было напечатано из моей рукописи в журнале, закрывшемся с началом революции, осталось в Киеве у сестры (Екатерины) и там, по-видимому, совершенно пропало» [Зеньковский, 2002: с. 311–312]. Во всяком случае, книга 1961 года, как замечает автор в предисловии, «основана на новом изучении всего материала» [Зеньковский, 1994: с. 191].

ной жизни в России XIX века» Зеньковский определяет как роль «пророка православной культуры» [Зеньковский, 1991а: с. 186], – а православие в его понимании выступает как раз той основополагающей скрепой, которая делает русскую и украинскую культуры (и философии) неразрывными. Очевидно, что и сам Зеньковский вполне вписывается в эту – гоголевскую – линию.

Есть у Зеньковского и чисто географический пример этой «двойственной идентичности» – Киев. Исходя, опять же, из общей истории и общей веры, Зеньковский утверждает: «Ведь Киев для русских такой же русский город, как для украинцев он украинский, и обе стороны здесь правы, ибо Киев не есть ни русский, ни украинский, а русско-украинский город, в живом сочетании объединивший обе стихии» [с. 312]. Историческая (и «несчастливая») судьба Киева в том, что он «стоит на рубеже России и Украины, что он есть и Россия и Украина в одно и то же время, есть живое воплощение их связи и их несоединённости, их единства и их разделения. Две стихии, русская и украинская, претендуют на Киев, потому что обе имеют право на него, потому что обе живут в нём» [с. 276–277]. В реальности оказывается, однако, что эта двойственность означает расколотость, а не единство, борьбу, а не мир. Именно здесь, в Киеве «эти две стихии вступили, начиная со второй четверти XIX в. (а может быть, и чуть-чуть раньше) в глубокую, часто скрытую, но всегда острую борьбу, и эта борьба продолжается ещё и в наши дни» [с. 277]. И многие деятели обоих стихий оказывались во власти этой борьбы, не могли подняться выше неё, делая тем самым русско-украинское примирение «нерешённым ребусом, неразысканным кладом» [с. 277]. Зеньковский, конечно, надеется на примирение, на «соединение несоединённости», хотя и вынужден констатировать слабость предпосылок для «двойственности национального сознания»: «<...> Чаще всего (до 90 %) украинцы встречаются либо с доминирующим русским сознанием (при полном выветривании украинского), или с доминирующим украинским сознанием (при враждебности к России)» [с. 313]. Оставшиеся 10 % – и это можно признать оптимистической оценкой – достаточны ли для того, чтобы быть реальной основой решения проблемы?

Итак, культурный дуализм – по крайней мере, в историческом измерении, – вовсе не идиллия, а скорее проблема. В чём она состоит? В представлении Зеньковского, – а следует отметить, что в его философско-историческом анализе явно просвечивает психолог (можно даже говорить о нотках психологизма), – проблема эта двойная: с одной стороны, «украинское сознание в своём развитии как-будто органически включает антирусскую установку», с другой – фактом является «духовное равнодушие к Украине у русских, расценка ими украинской культуры как чего-то глубоко провинциального» [с. 311]. Зеньковский-психолог обнаруживает «в глубине украинского сознания» сохранившееся – несмотря на внешнее отталкивание – «влечение к России», даже «искреннюю любовь» к ней. Но при этом «любовь к России в украинской душе – любовь без взаимности, и вся горечь неразделённого чувства, вся тревожная и мучительная острота положения оборачивается тем, что энергия любви к России в процессе подсознательного сдвига уходит в ненависть» [с. 311]. В этом состоит не просто проблематичность, а парадоксальность русско-украинских отношений как социально-психологического феномена.

Зеньковский далёк от того, чтобы «огулом обвинять украинскую интеллигенцию в “ненависти” к России», – он видит, прежде всего, «любовь к Украине и страх за неё». Однако, распутывая «трагический узел в украинской душе», он исходит из

того, что, в конечном счёте, «украинская душа» сознаёт невозможность полной свободы и полного отрыва от России, неизбежность «доли меньшего брата» в отношении Москвы. «Удивляться ли тому психологическому обороту, при котором сердце бессилие – естественное вполне – переходит иногда в ненависть к России?» [с. 237]. Этот комплекс чувств обусловлен историческими причинами – «налицо глубокая трагедия Украины, не сумевшей ни укрепить, ни охранить своё политическое самостоятельное бытие и вынужденной, конечно, навсегда идти рука об руку с Москвой» [с. 73]. Отметим здесь это «навсегда» – Зеньковский убеждён, что история *навсегда* связала Украину с Россией, что самостоятельное существование Украины невозможно, а поэтому стремление к нему – утопия и ошибка⁹. Одновременно, вливаясь в «огромное, мощное русло русской культуры», литературное и культурное украинское движение, развивающееся с 40-х годов XIX столетия параллельно подобным движениям в Европе, «попадало в общие условия того сурового режима, в котором жила вся Россия» [с. 73]. Иначе говоря, «расцветание» Украины «в своём своеобразии» оказывается вовсе не таким идеальным, а скорее крайне противоречивым процессом, что и является, в конечном счёте, предпосылкой органической «антирусской установки», присущей сознательному украинству.

С другой стороны, итогом «гонений на украинство» становится «та отравляющая русское сознание», которая «раздавила былые братские чувства и у русских», – «в русской душе нет ни братского чувства, ни братского интереса к Украине» [с. 67, 312]. Косвенно подчёркивая важнейшую роль науки, особенно истории (но можно тут иметь в виду и историю философии) Зеньковский пишет: «Роль Украины в истории России так забыта, что нужно было бы немало специальных исследований, чтобы внедрить в русское сознание отчётливое понимание того, что такое украинский гений» [с. 312]. Характеризуя отношение русской интеллигенции и политиков – в частности, партии кадетов, – к Украине в период революции, Зеньковский признаёт, что для многих вопрос об «украинской культуре» и «национальной задаче» на Украине оказался очень трудным. Рядом с явно антиукраинскими настроениями распространено было, по сути, равнодушие к украинству как к «временному и чисто декоративному» моменту, который должен утратить своё значение, «когда освободится вся Россия». «В этом беззаботном и циническом даже отношении к “украинской” проблеме (которую и проблемой-то не считали) пребывало довольно значительное число не только в партии к. д., но и в правых и левых группировках, – и это настроение влиятельных русских групп было известно в украинской интеллигенции, не только её раздражая, но и создавая справедливое недоверие к “украинским симпатиям” этих русских групп» [с. 67].

Следует отметить, что позиция самого Зеньковского, при явном неприятии идеи полного отделения Украины – как политического, так и церковного (он не раз

⁹ Эта позиция определяет его в целом негативное отношение к «самостийникам», однако этот негативизм не переходит у него в украинофобство, скорее – в сочувствие безнадежным идеалистам; более того, Зеньковский подвергает их решительной критике за то, что они упустили, может быть, единственный шанс всё-таки реализовать эту «утопию», когда, вместо укрепления основ новой «державности» пошли на союз с большевиками и сбросили гетманат: «<...> Это всё показывает такую историческую близорукость, такое отсутствие государственного инстинкта и трезвого политического реализма, что было и тогда ясно – что Украине как государству не быть, что Украина пропускала ту единственную историческую конъюнктуру, при которой ещё мог бы быть поставлен вопрос об украинской государственности...» [с. 223].

подчёркивает «моё сопротивление сепаратизму и политическому, и культурному, и церковному» [с. 143]), – отнюдь не была равнодушной и циничной¹⁰. Он пишет о своих симпатиях к украинскому движению, что подтверждается конкретными делами по созданию украинского отделения в дошкольном Институте, участии в Украинском народном университете, организации Учёного комитета при министерстве исповеданий (который начал заниматься, в частности, научными переводами на украинский язык богослужебной литературы), политике автономизации украинской церкви, проводившейся особенно активно, конечно, в период министерства. Зеньковский не воспринимал как шовинистических заявлений и действий со стороны русских (например, критикуя в этом плане В. Шульгина или П. Струве), так и радикально-националистических устремлений со стороны украинцев. В свою очередь, от этих крайних флангов он получал наибольшие порции критики, непонимания, обвинений и даже клеветы.

Однако, «искренне и сердечно» приветствуя конкретные шаги в развитии украинской культуры и образования, Зеньковский с горечью констатирует утрату чувства реализма у украинских политиков и интеллигенции. Причём, эта черта оказывается связанной не только с «хмелем революции», который «кружит их головы», не только с «прожектёрством» как «хлестаковщиной всякой революции», – Зеньковский усматривает здесь укоренившиеся ментальные основания: «Политическая психология украинских деятелей <...> лишена вообще основной силы в политике – реализма, трезвого и делового подхода к своим собственным идеям, выдержки и хладнокровия. Вчерашние “подпольцы”, а сегодняшние властители, эти украинские политики, начиная от самого “батька” М. С. Грушевского, не отдавали себе никакого отчета в реальном положении вещей» [с. 80]. Отсутствие политического реализма у другого историка-министра – Д. Дорошенко – Зеньковский иллюстрирует, в частности, тем, что «словесная “незалежность” Украины его больше волновала, чем трезвый учёт реальных будущих отношений Украины и России...» [с. 111]. Продолжение этого социально-психологического анализа, как представляется, остаётся актуальным: «Второй чертой политической психологии украинской интеллигенции я считаю её склонность к театральным эффектам, романтическую драпировку под старину (“гетманщина” одна чего стоит – это и монархия, и республика одновременно), любовь к красивым сценам, погоню за эффектами. Того делового, осторожного строительства, которое им, “самостийникам”, так нужно было, чтобы, воспользовавшись слабостью России, сковать свою “державу”, я не видел ни у кого. Как в научных и литературных кругах создавали украинскую терминологию, чтобы избежать руссизмов, так и в политическом мышлении все искали свой национальный путь, больше думая о национальном своеобразии, чем о прочности и серьёзности “державы”» [с. 80].

Эту свою позицию, как бы «между двух огней», или между двух флангов радикализма, Зеньковский в другом своём мемуарном очерке объясняет и оправдывает не как беспринципное стремление к компромиссам – в чём его также неоднократно обвиняли, – а как позицию духовной восприимчивости к индивидуальности другого, как «чутьё к чужой душе» [Зеньковский, 2002: с. 315]. Именно здесь, очевидно, кроются психологические возможности той самой искомой «двойственности нацио-

---

¹⁰ Его слова – «мне лично проблема Украины была и остаётся чуждой» [с. 280], – следует, конечно, относить только к проблеме полного отделения Украины от России.

нального сознания», а также «культурного дуализма», которые провозглашаются философом в качестве рецепта решения проблемы русско-украинских отношений.

Искусство компромисса у Зеньковского – это искусство «осуществления высшей задачи в данных конкретных условиях жизни», это неприятие всякого максимализма и отвлечённого радикализма, это учёт реальных возможностей и реальных последствий решения идеальных задач [Зеньковский, 2002: с. 316–317]. Философ хорошо понимает шаткость и нечёткость границы между таким компромиссом и приспособленчеством, и, тем не менее, продолжает настаивать – «самая идея компромисса, как учёта реальных условий осуществления принципов, мне просто дорога» [Зеньковский, 2002: с. 317].

Реальный (и проверенный на практике) путь осуществления этой идеи Зеньковский видит в своеобразном способе обсуждения и принятия решений, который он называет «соборованием». Опираясь на свой опыт председательствования в Русском Студенческом Христианском Движении, он пишет: «Я считал своей задачей *учить молодёжь* осуществлять постановления задачи так, чтобы получалось всегда *внутреннее единство*. Это внутреннее единство не может и не должно покупаться насилием “большинства” над меньшинством, – поэтому во всех наших заседаниях *не бывало голосования*, а я, как Председатель, стремился найти формулировки, которые могли бы всех объединить. Надо было *учить вслушиваться* в чужие мысли (а не только слова); часто бывало, что члены собрания неуклюже и неясно выражали то, что думали, – и я за них формулировал “суть” их мыслей (за что меня часто благодарили неумелые ораторы), *освобождая* их мысли от острых и потому мешающих достижению единства выражений. Думаю, что не погрешу против истины, если скажу, что я учил молодёжь точности и *корректности* в выражениях: как известно разногласия и споры (в семьях, в общественной работе) вспыхивают часто не вокруг существа мнений разных людей, а именно вокруг того, как эти мнения выражены» [Зеньковский, 2002: с. 322]. Резюмируя эту практику «соборования» как «вслушивание в чужие мысли», Зеньковский заключает: «<...> Моя долголетняя практика общественной работы постоянно меня убеждала не только в том, что из-за словесных расхождений упускают существо дела, но и в том, что постоянно забывают (особенно в церковных делах) самый смысл “соборования”. “Общее” решение не есть какое-то *mixtum compositum*, не есть “арифметическое среднее” всех высказанных суждений, – оно “добывается” через откровенное и искреннее раскрытие разногласия и восхождение (в духе) на ту плоскость, в которой может быть найдено отвечающее данному положению решение» [Зеньковский, 2002: с. 333].

Можно поставить в один ряд «двойственность национального сознания», «культурный параллелизм» и «соборование» в изложенном выше смысле – как «вслушивание в чужие мысли». Все эти принципиальные позиции объединены общим духом жизненного реализма, стремлением избежать крайностей, максимализма и радикализма, навязывания интересов одних людей другим – всего того, что неизбежно порождает, как минимум, недоверие, а как максимум – ненависть. Безусловно, в основе этих позиций и подходов у В. Зеньковского – не только философское чувство меры, но и православная любовь.

Предпосылкой «двойственности национального сознания» у Зеньковского выступает не столько общность историко-политических судеб двух народов, начиная с Киевской Руси (и надо признать, что такой подход к утверждению этой общности, основанный на определённой исторической концепции, может быть подвергнут

серьёзной критике с точки зрения иного исторического нарратива), сколько очевидный факт единой религии. Здесь уже мы вступаем в ту плоскость, которая – в силу общего соотношения между философией и религией – наиболее близка к проблеме собственно философской идентичности. Для Зеньковского, близко знакомого с церковной сферой украинской жизни, было особенно сложно принять тот факт, что именно в среде украинского духовенства, которое «всегда было главным хранителем украинского сознания», «потребность национального выявления» была особенно сильна [с. 88]. В определённом смысле трагичность положения – с позиции Зеньковского – состояла именно в том, что «русские и украинские группы, вместо того чтобы в Церкви иметь основу своего сближения и объединения, как раз именно в церковной сфере становятся в особенно враждебные отношения» [с. 136]. Собственно, всю свою деятельность на посту министра исповеданий (как и перед этим) он описывает как политику, с одной стороны, убеждения украинских церковных кругов в недопустимости радикального шага *автокефалии*, а с другой – нахождении компромисса с иерархией Русской православной церкви в вопросе *автономии* церкви украинской.

Одной из принципиальных позиций Зеньковского в этом вопросе было признание возможности и необходимости украинизации богослужения. Именно «языковой униформизм» в этом вопросе, по его мнению, особенно провоцировал тенденции церковного сепаратизма. По сути же, позиция, как минимум, «сочувственного отношения» к выбору языка богослужения имеет у Зеньковского не внешне-тактическое, а внутренне-мировоззренческое обоснование – «языковой униформизм», замечает он, «свидетельствует лишь о нечувствии великой тайны освящения языка через совершения на местном языке богослужения» [с. 157–158]. В этом смысле перевод богослужения на родной язык (его – языка – «*освящение*»!) представляется не просто допустимым, а необходимым. Единственное условие здесь – удовлетворительный уровень перевода «и с филологической, и с художественной, и с религиозной точки зрения».

Характерным и важным для понимания нашей темы является в этой связи общая оценка Зеньковским спора относительно статуса украинского языка – как языка или «наречия». Признавая, что в принципе, с научной точки зрения вопрос «может быть решён и в одну и в другую сторону», Зеньковский, однако, решительно выступает против политического применения соответствующих научных разработок (в частности, профессора Т. Д. Флоринского), которые использовались властью и украинофобскими кругами для проведения политики русификации, введения системы цензурных насилиев, и использовались как оправдание общей позиции, состоящей в «тайном или прикрытом отвержении самого понятия “украинской культуры”» [с. 158–159]. «Совершенно понятно, – замечает Зеньковский, – что у коренных украинских интеллигентов, любивших своё прошлое, свой украинский гений, всё это вызывало чрезвычайное негодование и величайшее раздражение и толкало их на самые крайние шаги, развивало крайнее руссофобство, которое было естественным ответом на описанное выше украинофобство» [с. 159].

Выступая за украинизацию богослужения, Зеньковский имеет в виду не только собственно проблему языка, но и вопросы национальных богослужбных и обрядовых особенностей, определённых «особенностями религиозного типа украинского». «Я искренне сочувствовал тому, – подчёркивает философ, – чтобы содействовать развитию и расцвету украинской церковной культуры, но я всемерно хотел препятс-

твовать той “отсебятине”, которая стала заполнять украинский церковный рынок» [с. 160]. Общий принцип культурного развития, таким образом (который можно применить и к философии), – развитие ради расцвета, развитие в содержании и в подлинном выражении «украинского гения», а не во внешнем формальном самоутверждении, не в искусственных терминологических новациях. «Подобно тому, как украинские учёные фанатического склада во что бы то ни стало стремились создать не существовавшую научную терминологию, не боясь доходить до нелепостей, – и в церковной области появились такие любители, которые грозили наводнить церковный рынок своей самодельщиной»¹¹ [с. 160].

Настороженность проявляется Зеньковским не только в отношении искусственного терминотворчества¹², но и в отношении искусственных религиозно-философских конструкций, претендующих на выражение особенностей украинской ментальности. Как домысел он оценивает, например, попытку одного «неугомонного писателя» найти связь «между украинским типом благочестия, типом религиозной жизни и движением имяславия». Основаниями такого поиска выдвигались мистичность имяславия (поскольку-де мистичность «особенно близка и дорога украинской душе»), а также... его «еретичность», т. е., впрочем, не какая-то внутренняя, системная «неправославность», а внешний факт осуждения Св. Синодом, – основание, таким, образом, чисто политическое, дополнительный аргумент в противопоставлении Русской церкви. Подобные подходы Зеньковский характеризует как «филетизм» – слишком тесное срастание национального и религиозного начал. «Такие искания какой угодно ценой утвердить начало церковного национализма всецело вытекали из стремления усилить и углубить отличия украинцев от великороссов и не заключали в себе ни одного грана подлинной жизни веры» [с. 189].

«Двойственность национального сознания» по Зеньковскому – это, очевидно, не одновременное – нейтральное – ощущение себя вместе и русским, и украинцем. Это – в его конкретном случае – ощущение себя русским (человеком, учёным, философом) при одновременном понимании и всемерном содействии выявлению украинского «национального духа», «народного гения Украины» [см.: с. 166], – прежде всего, в сфере церковной, и в широком смысле – сфере культурной. Это «служение Украине и служение России», воспринимаемые не как две различные, а как одна, единая задача. Или иначе – это служение «свободной Украине», даже строительство «крепкой и свободной украинской государственности», понимаемое одновременно как служение России, точнее – в конкретных условиях 18-го года – как «спасение Украины для России» [см.: с. 235].

Особенностью такой двойственности является, между прочим, и особенно критическое (или ответственное) отношение именно к своей, так сказать, первой иден-

---

¹¹ Можно отметить, что в этой связи Зеньковский довольно критично отзывался о переводах Библии Ивана Огиенко [см.: с. 160].

¹² Это касалось, конечно, не только богослужебной, но и научной – соответственно, и философской – сферы. «Среди ретивых украинцев нередко встречались (и встречаются) люди, которые хотели бы “одним взмахом” создать то, что создается десятилетиями. В частности, отсутствие украинской научной терминологии казалось таким людям “национальным позором”, от которого необходимо немедленно и решительно освободиться. Не знаю, издаёт ли теперь Украинская Академия “академический словарь” наподобие словарей, издаваемых другими академиями; знаю только, что те статьи и книги, которые в моё время спешно вырабатывали “украинизацию” научной терминологии, часто возбуждали одно лишь чувство сожаления» [с. 231].

тичности. Зеньковский прямо формулирует вывод о том, что «перед лицом русско-украинской проблемы более неподготовленными и упрямо неподвижными оказывались <...> не украинцы, а русские» [с. 200]. Этот факт объясняется им уже упомянутым выше безразличием или невниманием, «презрительным равнодушием» к украинской проблеме, что лишь обостряет «уязвлённое самолюбие» украинцев и убеждает их в лицемерии любых «подачек» культурной автономии, исходящих от России: «<...> В такой политической психологии русских украинцы, хорошо это чувствующие, видят яркое выражение того, что Россия их задавит, даже если внешне она предоставит Украине свободу культурного самоопределения» [с. 200].

В. Зеньковский верит в «здоровое и плодотворное развитие Украины в пределах России», которое «предполагает наличие условий, при которых творческие силы Украины могут свободно проявлять себя» [с. 143]. Примеры такой «системы культурного параллелизма» он видит в политике министра просвещения Н. П. Василенко в школьном деле, а именно – «чтобы украинская школа (от низшей до высшей) не развивалась бы за счет русской, т. е. чтобы ни одна русская школа не была насильственно закрыта»; «всяческое поощрение украинского культурного дела не должно было вести за собой уменьшения или ослабления русского культурного дела» [с. 229], а также в основанной на таких же принципах политике в области науки и высшего образования, связанной с именем В. И. Вернадского. «<...> То, что целый ряд выдающихся лиц персонально работали и в русской, и в украинской высшей школе, намечало оригинальное и в то же время творческое и исторически очень ценное совмещение в отдельных личностях двух культурных “подданств”» [с. 233]. Принцип «культурного параллелизма» предполагает «особую всё же поддержку украинской школы, украинских научных учреждений», что определялось «юностью» украинского культурного движения, и, тем не менее, «всяческое поощрение украинского культурного дела не должно было вести за собой уменьшения или ослабления русского культурного дела» [с. 234, 229].

Один из важнейших элементов системы культурного параллелизма – государственное двуязычие. В контексте современного звучания этой проблемы сразу уточним – Зеньковский отстаивает необходимость предоставления статуса государственного для *украинского* языка, о чём до 1917 года в России, конечно, невозможно было и мечтать; статус же государственности русского языка просто не вызывает сомнений. «Единство с Россией требует прав для русского языка, украинская культурная жизнь требует прав для украинского языка. Иного решения данного вопроса быть не может, иначе будет подавлена свобода для одной или другой стороны, а следовательно, будет неправда, которая рано или поздно приведёт к дурным последствиям» [с. 238].

Культурный параллелизм, безусловно, требует психологической перестройки и украинского сознания. «Украинцы должны были стать достаточно сильными, чтобы не бояться влияния русской культуры, должны были приучиться к свободному сосуществованию двух культур» [с. 236]. Зеньковский считает «безумными» и неосуществимыми призывы «уничтожить всё русское на Украине», поскольку «слишком глубоко проникла русская культура во всю украинскую жизнь», и как бы не развивались события в дальнейшем, «никакие барьеры не могли бы уничтожить реальность влияния соседней культуры» [с. 236].

Путь культурного параллелизма выдвигается Зеньковским как единственно правильный, поскольку путь разрыва, «культурной самостоятельности» представляется

ему исторически и политически невозможным. Признавая, что «в глубине украинского сознания <...> всегда есть глубокая жажда своего пути, своей культурной дороги», и характеризуя это чувство не как «романтизм “украинофилов”», а как «подлинные и действенные императивы души, идущие из глубины» [с. 237] (и объективно тоже – «Украина слишком богата духовно, чтобы не иметь своего пути, она не может совершенно потонуть в русской культуре»), философ, однако, закрывает этот путь самостоятельного развития «непреложным историческим фактом» отсутствия «серьёзных географических, экономических, церковных, культурных границ между Россией и Украиной». В результате оказывается – в некотором противоречии с отмеченной выше критикой «упрямой неподвижности» русских, – что «вся тяжесть выработки» новой двойственности национального сознания «ложится только на украинцев, которым не только дана более тяжкая историческая доля, но от которых требуется какой-то небывалый духовный труд» [с. 315]. Очевидно, этот «небывалый духовный труд» должен состоять, в конечном счёте, в осознании своей «тяжкой исторической доли» – именно, невозможности самостоятельного пути развития и неотвратимости «пути семейного объединения со всей Россией».

Что же остаётся тогда в качестве «духовного труда» для России? Великодушие и чувство справедливости! «И Россия должна найти в себе достаточно великодушия, чтобы, будучи старшей и более сильной, блюдя и оберегая, во имя различных своих интересов, связь с Украиной, не давить (не только внешне, но и внутренне – не давить!) на украинское сознание, не уничтожать его. Система культурного параллелизма должна быть принята и русскими не как уступка, не как жест великодушия, а просто как справедливое и разумное решение вопроса о русско-украинских отношениях» [с. 237–238].

Подведём итоги.

Как уже говорилось, анализ Зеньковским проблемы русско-украинских отношений и предлагаемые им пути её решения интересовали автора статьи не сами по себе, а в приложении к другой проблеме – проблеме данности национальной философии как предмета исследования в контексте соотношения русской и украинской философии и содержания понятия «отечественная философия» в современной Украине. В связи с этим я не буду здесь давать какие-то оценки историческим или политическим аспектам позиции Зеньковского. Представляется, однако, что формулы «двойственности национального сознания» и «культурного параллелизма» могут быть использованы в наполнении конкретным смыслом несколько расплывчатого, на первый взгляд, конструкта «отечественная философия», а также при разрешении вопросов о «национальной приписке» того или иного философа. *Отечественной* в Украине является не только философия *украинская* – определённая как таковая то ли по географическому, то ли по ментальному принципу, но и философия *русская* – в той мере, прежде всего, в которой её носители так или иначе связаны с Украиной, но также и по более широким соображениям – на основании глубокого исторического переплетения духовных судеб и потенциалов русского и украинского народов (их «гениев»), в основе которого – единство религиозной веры. Украинской философии «не должно отрекаться» от философии русской, как минимум, по двум причинам – во-первых, поскольку в развитие и расцвет русской философии вложили свои таланты многие украинцы по происхождению (ставшие, всё-таки, *русскими* философами); во-вторых, разрыв с русской философией означал бы отказ от тех духовных богатств, которые с ней связаны, реальное обеднение и оскпление украинской

философии. Попытки «приписать» эти реальные духовные достижения себе, т. е. считать их собственно украинскими на основе упомянутой выше географической, или даже ментальной методологии, оставив за русской философией только те идеи, на которые можно возложить ответственность за весь исторический негатив, связанный с российской (и советской) историей (мессианизм «русской идеи», антииндивидуализм – «хоровое начало» – соборности и пр.), являются не более чем стремлением выдать желаемое за действительность. Вывод умозаключения здесь подменяется исходной посылкой, ибо априори принимается позиция разрыва украинской и русской философии (культуры, ментальности), и под эту позицию подгоняются и получают соответствующую оценку исторические факты, осуществляется односторонняя «экспроприация» имён и идей, которые на самом деле, не переставая называться русскими, вполне могли бы презентовать двойственную – русско-украинскую – национальную идентичность.

В конце концов, все эти вопросы были бы давно сняты, если бы в нашем общественном сознании уже сформировалось понятие украинской *политической* нации – тогда и понятия *украинская* и *русская* философия утратили бы неизбежно пока присущий им этноцентрический привкус, тогда украинская *национальная* философия органически включала бы в себя философию украинскую, русскую, польскую, крымско-татарскую, еврейскую и т. д. – имея в виду возможность двойственной национальной идентичности отдельных философов. *В этом смысле национальная (в данном конкретном случае – украинская) философия стала бы, наконец, возможной как исследовательский объект par excellence*, т. е. без искусственного привнесения в него политических смыслов. Возможен и другой вариант, который, по сути, виделся Зеньковскому – приоритет религиозной идентификации над этнической, движение по линии *православной* философии, элиминирующей этнические различия. Впрочем, точно так же, как первый вариант пока тормозится реальной политической проблемой русско-украинских отношений, так и на пути второго варианта стоит не только эта же проблема (в виде вполне земных, т. е. мало связанных с «жизнью веры» противостояний украинского и русского православия), но и реальная многоконфессиональность Украины. Тем не менее, именно путь культурного параллелизма, т. е. равноправного, без взаимного ущерба, без взаимных подозрений и обвинений, развития русской и украинской культуры и философии, языка и терминологии, а также признание реального факта двойственности национального сознания, т. е. права быть *русским* философом, служа при этом не только России, но и Украине, и точно также – быть *украинским* философом, служа при этом не только Украине, но и России, – тем не менее, повторяю, такая модель, несмотря на все препятствия и отступления, представляется единственно разумной и духовно неущербной. «Вслушивание в чужие мысли» и «соборование» как нахождение «общего» решения «через откровенное и искреннее раскрытие разногласия» и «восхождение духа» является, во всяком случае, более человеческим (если не будет это сказать слишком дерзновенно – *богочеловеческим*) методом философствования, чем категорически-горделивое утверждение своей исключительности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Аляев Г. Е., Емельянов Б. В. Христианская философия Василия Зеньковского // Аляев Г. Е., Емельянов Б. В., Мозговая Н. Г., Суходуб Т. Д. О религиозных философах России и Украины: персонологические очерки. – Полтава: ООО «АСМІ», 2010. – С. 215–237.

- Бобровская Л. Рождение и гибель Русского Архива в Праге (03.10.2003) // Электронный ресурс. Режим доступа: http://old.russ.ru/ist_sovr/20031003_bobrov-pr.html
- Бойко А. И кто же те другие? // Зеркало недели. – 2005. – № 46. – 26 нояб. – 2 дек.
- Зеньковский В. В. Из моей жизни // Вестник РХД. – 2002. – № 183 (I). – С. 303–325.
- Зеньковский В. В. История русской философии. – Ленинград: Эго, 1991а. – Т. I. – Ч. 1. – 222 с.
- Зеньковский В. В. Н. В. Гоголь // Гиппиус В. Гоголь; Зеньковский В. В. Н. В. Гоголь. – СПб.: Logos, 1994. – С. 190–341.
- Зеньковский В. В. Пять месяцев у власти [Воспоминания] / Под редакцией М. А. Колерова. – Москва: Издательский дом REGNUM, 2011. – Серия «Исследования по истории русской мысли». Том 15. – 648 с.
- Зеньковский В. В. Очерк философской системы // Зеньковский В. В. История русской философии. – Ленинград: Эго, 1991б. – Т. 2. – Ч. 2 – С. 251–253.
- Історія філософії. Словник / за заг. ред. В.І. Ярошовця. – Київ: Знання України, 2005. – 1200 с.
- Сапожникова И. Ю. Воспоминания В. Зеньковского: история и историософия // Зеньковский В. В. Пять месяцев у власти..., 2011. – С. 9–50.
- Филиппенко Н. Г. Киевское религиозно-философское общество (1908–1919). Очерк истории. – Киев: Изд. ПАРАПАН, 2009. – 140 с.
- Шленов В. Л. Предисловие // Протопресвитер Василий Зеньковский. Смысл православной культуры. – Москва: Изд-во Сретенского монастыря, 2007.

Статтю отримано редакцією 03.03.2014

Gennadii Aliaiev

Duality of National Consciousness as an Existential and a Research Topic (Vasil Zenkovsky's Experience)

National philosophy as a research topic in relation to Ukraine has its peculiar features. The national philosophy, in this case, cannot signify only Ukrainian philosophy, strictly ethnically limited (meeting either geographic or mental criteria). This entails an inevitable question of delimitation between Russian and Ukrainian philosophies. The only way to solve this unavoidable question is to recognize the duality of national consciousness as well as cultural parallelism, suggested by V. Zenkovsky for solving problems in relationships between Russia and Ukraine.

Gennadii Aliaiev, Doctor of sciences in Philosophy, professor, Head of the Department of Philosophy at Poltava National Technical Yuri Kondratyuk University

Геннадій Аляєв, д.філос.н., професор, зав. кафедри філософії і соціально-політичних дисциплін Полтавського національного технічного університету ім. Ю. Кондратюка

Геннадий Аляев, д. филос.н., профессор, зав. кафедрой философии и социально-политических дисциплин Полтавского национального технического университета им. Ю. Кондратюка
